

Души своей наполненный сосуд.

Счастливою слезою на рубахе
Я вспоминал в который раз подряд
Награду слов Аркадия-монаха:
«Спаси тебя, Господь. До встречи, брат!»

6 июля 2009

Б. И. Черных

ВСЛЕД ЗА СОБЫТИЕМ. ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

Станица Албазинская, самая именитая на Амуре – обетованная земля для казаков, кои пришли сюда с Муравьевым-Амурским.

* * *

Сейчас всё реже удаётся побывать в Албазине. Причина? Расстояние от Благовещенска немалое. И годы мои немалые. А ещё дороговизна. Плацкартный билет до станции Сквородино (подлинное название Рухлово) стоит 800 рублей. На семью 2400. Туда и обратно 4800. Больше пенсии. Жена работает в фирме «Россия». Но зарплату задерживают. Однако нашлись добрые люди, и мы ринулись в дорогу, не догадываясь, что от Сквородина до Албазина добраться будет сложнее. По неожиданной причине. Нефтепровод «Россия – Китай» заполнил автотрассу на Джалинду тяжёлыми машинами, груженными огромными трубами, разбили трассу вдрызг. Идут затяжные дожди, наши автобусы увязли в трясине. Если бы не китайская делегация, пришлось бы до ночи куковать. Китайцев ублажали.

И – сбылось. Добрались. Встретили нас благостно. Берёзовым соком не опоили, но чай, с устатку, был крепок.

* * *

Поводом для приглашения в Албазин послужили Чтения памяти Агриппины Николаевны Дорохиной, в девичестве Суриковой. Агриппина относилась ко мне как к заблудшему сыну. Ещё бы. Нас изгнали в тридцатых. А комсомолка Агриппина осталась дома. Но маленькая моя сохранила в святости албазинское предание. И всегда, с отроческих лет, я знал: за спиной у меня земля обетованная. Как для иудея Израиль. Сравнение шаткое. Ибо казаки, пошедшие с Урала на восток, не могли остановиться. Наверное, под державную руку русского Царя они взяли бы и северную Америку. Не сиделось им на месте. Брожение крови. Вольница. Лев Гумилёв сказал бы – взрыв пассионарности¹. «Пассионарии - особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения».)

Какое отношение имели к взрыву пассионарности предки Агриппины Дорохиной? Прямое. Как и мои предки. Сначала они дошли до Енисея. Потом одолели Байкал и, казалось, осели. Им успели прозвище дать – гураны. Но в XIX веке явился новый вождь – генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев. Что ему-то не сиделось в

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Москва: Эксмо, 2007.

Иркутске? Ныне у лакомого куска Хлопонины и Дарькины стригут купоны. В тюрьму пойдут, а не сдвинутся от кормушки.

Николай Муравьев позвал Суриковых, Самсоновых, Портягиных, Исаковых на Амур.

В Албазинском музее, полагаю, на Дальнем Востоке лучше, этапы нашего прихода на Амур отражены с детской непосредственностью Агриппины. Тональность такая: что ж делать, раз позвали? Пошли. Приятельствовали с китайцами. Сено косили на правом берегу. «Моя туда, твоя сюда». Погранзастав не было.

В письмах графа Муравьева-Амурского (он, скажу попутно, за графским титулом не гнался) есть горькое признание: казаки предпочитают вольницу, а не землешество. Эх, прислали бы из центральной России крестьян. Крестьянин человек постоянный, домашний. Его надо разозлить до предела (Карлом XII, Бонапартом, Гитлером), и он подымется.

Казака заводить не надо. У него всегда, извините, шило в заднице. Да, и эти скрижали Агриппины собрала в музее. Заупокойно. Двадцатый век похоронил казачество. Для казни потребовались Троцкие и Свердловы. И ныне Терек, Семиречье, Забайкалье, Амур, Дон — огромная братская могила.

Далеко ходить не буду. Я привез на Чтения икону Албазинской Божией Матери: «Слово плоть бысть» XIX век. Икона принадлежала Павлу Птицыну, последнему атаману станицы. Где сам Птицын? Он не принял Октябрьский переворот, ушел в Казахстан, там погиб. Икона осталась у Тали Птицыной. Таля дружила с Гутей Самсоновой, моей мамой, тоже атаманской дочерью, в Свободном (подлинное имя города Алексеевск). Наталья Павловна Птицына, в замужестве Гавловская, икону завещали мне, последнему прямому потомку албазинских казаков. Дед мой, Дмитрий Лаврентьевич Черных, расстрелян чекистами в двадцать пятом. Без суда и следствия. А Дмитрий был Георгиевским кавалером за подвиги на сопках Маньчжурии. То русско-японская война.

1937 год и Отечественная война вывели Албазин до донышка. Мы, безотцовщина, выгребали в нищете. Выгребли. Но грянула контрреволюция 1991 года. Если семнадцатый год считать революцией...

На поминальное торжество к Дорохинскому музею прибыли мы и азиаты. Ещё на белых иномарках явились чиновники из Благовещенска и Сковородина, с ними ряженые аж из Читы, напомаженные. Для чиновных легковушек, представьте себе, дорогу всю ночь гладили грейдерами.

А жителей Албазина к музею не позвали. Забыли про народ: «Мы речи без народа-то складнее скажем». Про возрождение России. Про дух обновления. Про себя.

Телеоператоры областные не поймут, что народ не позван. «Ну, а мы, чё, не народ? Мы, чё, графья?»...

Вот такая печаль, читатель. Ехали к народу, пусть пришлому. Но всё равно это русские мужики и бабы. Единокровные. А начальники забыли об единокровных.

* * *

Ф 963 835

Албазину сулили гибель в 17 столетии. Албазинцы не сдались, не ушли из сожженного острога. Некоторых маньчжуры увели за кордон.

Но в начале XX столетия междуусобицы раздирали Китай, он попал под иго островной империи. Самураям хватило благоразумия не переходить Амур. Они одоволились взятием Порт-Артура и разгромом российской эскадры в Цусиме.

Во время нашей междуусобицы искушения овладели японцами. Им казалось — Россия в агонии. Просчитались. Не регулярная армия разбила интервентов, а добровольческая, партизанская.

Власть Советов должна была согласиться на самоуправление земель, которые соборно отстаивали себя. Нет, Советы под сапогом Троцких и мысли не допускали о самоуправлении.

Поневоле вспомнишь Муравьёва-Амурского. Граф понимал, что метрополия не дотянется до окраин. Надо самим решать рабочие вопросы.

С помощью чиновников? – Вот тут-то заковыка. Управляя огромным краем от Енисея до Колымы и Камчатки (Якутия здесь же), генерал-губернатор имел под рукой чиновный аппарат. По численности он в два раза уступает нынешнему муравейнику серого дома только в Благовещенске.

Недавно прошелестело известие, что О. Кожемяко сократил на триста человек администрацию Амурской области. Ох! Пусть назовёт зарплаты оставшейся тысячи чиновников (среди них есть и одарённые управленцы, они погоды не делают, они боятся голову поднять. Произвол талантливому Колесову напугал их надолго).

* * *

Итак, вернёмся в Албазин. Там станичное правление и шаман спокойно ведут дела. Атаман отчитывается перед казачьим сходом. Бude негодным, он уходит в отставку, удаляется на заимку, к пашенным делам. Та казачья демократия даст сто очков вперёд нынешней, карманной.

Но Агриппина Николаевна Дорохина не понимала общественных проблем! Воспитанная в лоне коммунистических доктрин, она собирала крупицы старого быта и уклада. Спасибо ей. События начала девяностых годов застали Агриппину врасплох.

В 1991 (или в 1992) мне довелось вырваться на родину. Фольклорный праздник замыслился. Позвал я с собой Георгия Шохирева. Этот наследник черняевских старожиллов пытался тогда поднять из праха амурское казачество. Гоша надел хлопчатобумажную гимнастёрку с погонами армейского капитана, шаровары с жёлтыми лампасами, шашку.

В Албазине стояло ослепительное лето. Мы вышли на луг, далее процитирую классика: «Мы оба с ним смотрели на жизнь, как на луг в мае, по которому ходят женщины и кони»²...

Издали Агриппина Дорохина поманила меня ладошкой. Я подошёл. Она припала к плечу и шёпотом спросила: «Боря, они что, возвращаются?» – и кивнула в сторону Шохирева (того окружила молодёжь).

– Может быть, может быть, – отвечал я.

– Как они не нравятся мне, – вздохнула Агриппина Николаевна.

– Да живые-то почто не нравятся? – изумился я. – Выходит, в музее у тебя покойные, лучше?

– В музее лучше, – созналась Дорохина.

Впору рассмеяться. Более столетия вместила она в каморки музея и умозрительно полюбила сгинувшее прошлое. Но вдруг предстал перед ней подлинный есаул в звании атамана Амурского казачьего войска, не утверждённый либеральной, прозападной Москвой. Сгинь, Шохирев!

Советская бабушка испугалась не зря. И не зря она дожила в бедовую эпоху до совхоза «Чекист», полюбила это ломовое слово.

И вот новое поколение открыло в Албазине Чтения Дорохинские, а новое поколение чиновников взялось финансировать их. Но опять всё адресуется в былое. Казачества боялось ельцинское окружение, и нынешние вожди его боятся. Самостийная сила! Но она уже на исходе. Легенда осталась. Дым.

Сами Чтения шли в Албазинской школе. Чуть не сказал в бывшей школе. Ибо в её классах детей остались единицы. Нависла угроза закрытия.

² Бабель, «Конармия», с. 3.

Поэтому филантропическим было наше предложение (моё и о. Игнатия Чегвинцева).
Прочитую.

«Решение научно-практической конференции от 24 июня 2009 года об учреждении Общественной организации «Благотворительный фонд в честь преподобного Гермогена Албазинского – Албазинское братство».

Заслушав доклад иеромонаха Игнатия «Иеромонах Гермоген – молитвенник о земле Приамурской. История жизни и современное почитание», по предложению писателя Б.И.Черных, приняли решение: учредить Общественную организацию «Благотворительный фонд в честь преподобного Гермогена Албазинского – Албазинское братство».

Цель деятельности Благотворительного общества:

Содействовать соборному, духовному и нравственному единству жителей Приамурья в восстановлении исторического предания.

Участники конференции «Третьи Дорохинские чтения»: 28 подписей.

Отец Игнатий пылко зачитал листок и пустил по рядам. Подписали. Можно в ксерокопии дать имена подписантов. Однако, напрасно искать фамилии начальников и ряженных казаков из Читы, они-то и продемонстрировали полное равнодушие ко дню бегущему. Они просто на сами Чтения не пришли.

Прах прадедов был ещё раз погран.

Да, прискорбно пренебрежение к настоящему. А прошлое похоронено основательно. Обе церкви сожжены. И станичная, и кладбищенская. На месте станичной построен клуб. А возле стен её когда-то погребли казаков, пришедших вместе с Муравьевым из Забайкалья.

Комвласть холмики срыла. Полвека запомню: парни и девки приплясывали на костях прадедов.

А сам Албазин, как и все станицы по Амуру, огородили колючей проволокой. Якобы от китайцев. На самом деле создавали комфортные условия для погранзастав. И уже прапра внуки, детишки, не могли искупаться в родимой реке.

А мы – «Албазинское братство».

Но отдадим должное энтузиастам из Благовещенского педагогического университета. Они страстно и направленно утверждали: Албазин поднимется. Уж если после маньчжур поднялся...

Только кому подниматься, если школа пуста?

Десять лет назад две тысячи семиреченских переселенцев (потомков из Казахстана) просились на Амур, но Москва просто отмахнулась: «Какие кредиты? Пусть сами перебираются». Слышал бы эти речи Петр Столыпин. Слышал бы Муравьев-Амурский. На кого уповать, земляки?

Надо сказать, беда не заставила себя долго ждать. Вскоре на Георгия Шохирева навалились тяжкие жизненные невзгоды и болезни, он скоростижно ушел из жизни, а сынок его попал в детский дом³.

³ Черных Б.И. «Избранное», т. 2. – Москва: Изд-во «Европа», с. 406 и далее.